

Педченко Е. В.,
старший преподаватель кафедры славянской филологии и перевода
Мариупольского государственного университета

ФИЛОСОФИЯ ЛЮБВИ В ПРОЗЕ ЗИНАИДЫ ГИППИУС И ДМИТРИЯ МЕРЕЖКОВСКОГО

Аннотация. В статье рассмотрена оригинальная концепция философии любви Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Мережковского, как реализация «эротической утопии» русского *fin de siècle*. Определены основные вопросы «нового религиозного сознания», представленные в автобиографической, критической и художественной прозе Гиппиус и Мережковского с позиции их гендерной индивидуальности.

Ключевые слова: философия любви, андрогинизм, эротическая утопия, гендер, жизнетворчество.

Постановка проблемы. Философия любви в русской литературе стала предметом широкого изучения, как отмечает Е. Романова: «По вполне понятным причинам литература Серебряного века оказалась в «эпицентре» рассмотрения феномена любви» [1, с. 37]. Также литературное поле Серебряного века, с его экспериментами, эпатажем, жизнетворческими практиками и стремлением к свободе личности, представляет непосредственный интерес для гендерного литературоведения. Традиционно в рамках этих исследований рассматривается творчество женщин, основываясь на методологии феминистской теории. Однако в последние годы все большее внимание привлекает проблема соотношения мужского и женского творчества, что определило интерес к гендерным творческим парам Серебряного века, среди которых наиболее неординарный писательский союз представляют супруги Мережковские.

Анализ последних исследований и публикаций. Изучение философии любви Серебряного века – один из самых популярных аспектов исследований в философии, культурологии и литературоведении последней четверти века, начало которым положил В. Шестаков, опубликовав в 1991 году антологию «Эрос. Россия. Серебряный век» [2], включающую основные мнения по вопросам любви и пола на рубеже XIX–XX веков. Современный научный дискурс по данной теме включает общие вопросы изучения феномена русского Эроса (Н. Джежер, М. Золотоносов, И. Кон, А. Лихачева, О. Матич, А. Эткинд и др.), рассмотрение философии любви в творчестве отдельных писателей (Л. Анпилова, М. Гельфонд, Л. Пушкарева, А. Хван и др.), исследования феноменологии пола с точки зрения гендерологии (О. Воронина, Т. Ерохина, О. Матич, О. Рябов, Т. Сыдеева и др.). Особое значение философия любви приобрела в жизнетворческой концепции писателей-символистов, рассматриваемая Т. Ерохиной как самоидентификация сознания творческой личности [3], в рамках которой возникает вопрос о гендерной самоидентификации. Эта проблема связана с эротической утопией русского декаданса, которая подробно изложена О. Матич в книге «Эротическая утопия. Новое религиозное сознание и *fin de siècle* в России», где глава «По ту сторону гендера» посвящена Зинаиде Гиппиус и ее особым отношениям с мужем [4]. Мережковские выступили теоретиками и практиками

«нового религиозного сознания», что определило не проходящий интерес к их взглядам, жизни и творчеству. Непосредственно данному кругу вопросов, кроме уже указанных, посвящены работы А. Бисерова, Ю. Курило, Т. Осипович, Я. Сарычева, В. Тараскиной, Д. Томсон, И. Янишевской и др. Как заметил А. Лавров: «Мережковский и Гиппиус являли внутренне контрастную, но на редкость цельную пару: взаимовосполнение и взаимообусловленность обеспечивали эту цельность» [5, с. 10]. Гендерный аспект изучения наследия прежде всего касался Зинаиды Николаевны, поэтому нам представилось интересным и своевременным обратиться к изучению творческого диалога супругов Мережковских.

Цель статьи – рассмотреть реализацию концепции философии любви в творческом диалоге З. Гиппиус и Д. Мережковского.

Изложение основного материала. Русская культура Серебряного века представила концепцию любви, которая вбирает в себя как европейский опыт, который восходит к античности, претерпевает изменения под влиянием средневекового христианства и далее развивается в дихотомии заложенных этими эпохами основ, так и собственно русский, который представлен в литературе и риторике Древней Руси и получивший наибольшее развитие в литературе XIX века. Продолжая тезис Ф. Достоевского «Красота спасет мир», Вл. Соловьев вводит новый – «любовь спасет мир». Стремясь объединить «и философский, и религиозный, и психологический, и эстетический аспекты любви» [6], философы обращались к учению Платона, что позволило им преодолеть стереотипное отношение русского общества к запретным темам половых отношений, вывести их на бытийный уровень. В наследии неоплатонической философии, в обращении к язычеству прослеживается связь *серебряного ренессанса* в искусстве и литературе России с известным европейским Ренессансом, что предопределяет расцвет культуры и предчувствие ее разрушения. «Социальные, гражданские темы, стоящие в центре внимания предыдущих поколений, решительно отодвигаются в сторону экзистенциальными темами – Жизни, Смерти, Бога» – отмечает М. Гаспаров [7, с. 10]. «Дети *fin de siècle*» «пропускали свои декадентские тревоги и утопические надежды сквозь призму апокалиптического видения, вдохновляясь различными мистическими и религиозными учениями», воплощая их «в новаторских художественных и жизненных практиках», в чем О. Матич видит природу их *эротического утопизма* [4, с. 4].

Отличительной чертой этого периода, по мнению многих исследователей, является его игровая стихия или карнавализация (Бахтин), которая в амбивалентном выражении порождает жизнетворческий метод и определяет характер Серебряного века как эпохи. «Карнавальное действо, где не существует ни рампы, ни «зрительного зала», – это сцена и жизнь, празднество и сновидение, дискурс и зрелище» [8, с. 443–444], смерть и рождение. Его участники выступают исполнителями

и зрителями одновременно, значит «обретает плоть структура автора», наблюдающая «за собственным творчеством, автора как «Я» и как «другого», как человека и как маски» [8, с. 443]. По мнению Ю. Лотмана, игра выступает моделью действительности особого типа, которая воплощаясь в искусстве создает человеку условную возможность говорить с самим собой на разных языках, «по-разному кодируя свое собственное «Я» [9, с. 73]. Одним из возможных вариантов такого кодирования может выступать смена поло/гендерной идентичности, когда автор ведет повествование в тексте от имени представителя другого пола или другой гендерно-ориентированной индивидуальности. В данном случае возникает особый вариант «производящей инстанции нарративного дискурса», или «наррации» [10, т. 2, с. 226], к которой часто прибегают писатели-символисты и представители их ближайшего окружения. Способ наррации Ю. Кристива рассматривает с точки зрения теории М. Бахтина, выделяя прямое, объективное и амбивалентное слово, где примером последнего могут выступать автобиография, полемические исповеди, публичный и скрытый диалог. Она считает, что диалогизм присутствует в любом высказывании и обнаруживается на уровне предметного слова и «истории», которая «предполагает не только вмешательство говорящего в повествование, но и его ориентацию на другого» [8, с. 438], на воспринимающего текст субъекта чтения. Эту мысль развивает У. Эко в теории *открытого произведения*, отмечая, что впервые «вполне осознанная поэтика «открытого» произведения» появляется в символизме [11, с. 35]. Таким образом, данные теории представляют методологическую основу исследования прозаических текстов З. Гиппиус и Д. Мережковского как выражение их концепции философии любви в гендерно маркированном нарративе.

Как уже было сказано выше, представители русского декаданса создали *эротическую утопию*, которая должна была «обессмертить тело любви» с помощью «эротической экономики» через отказ от бремени деторождения и «преобразования желаний, запрещающего совокупление» [4, с. 4–6]. Выразителями этой идеи в жизни и творчестве выступили супруги Мережковские, ставшие основателями «нового религиозного сознания», которое образовалось в Петербурге при участии В. Розанова, Н. Бердяева и др. Они видели разрешение противоречия мировой истории в объединении мирской и религиозной жизни, для чего были организованы философско-религиозные собрания (1901–1903, 1907–1917) и журнал «Новый путь». В «Литературном дневнике» Гиппиус рассказывает, с какими трудностями они столкнулись, так как в те времена «всякое слово мистики считалось безумием, а слово религии – предательством» [12, т. 7, с. 6]. Вопросы веры, любви, пола и семьи стали центральными в полемике представителей «нового религиозного сознания». Так, сборник статей Розанова «В мире неясного и нерешенного» (второе издание) вызвал неоднозначную реакцию со стороны Д. Мережковского и З. Гиппиус, не принимавших его представления о святости брака и святости рода.

Главным пунктом несогласия стал вопрос бессмертия, которое Розанов видел в деторождении: «Рождая – я отпадаю от смерти» [13]. Мережковского не устраивает сама мысль о том, что «новая любовь преображенного пола будет заключаться в плодливости», что история человечества есть «бесконечный Ветхий Завет, но без чаяния Мессии, без преображения, без конца мира», поэтому он восклицает:

«Как скучно, как страшно и не соблазнительно!» [14, с. 405]. Он видел «будущность пола – в стремлении к новой христианской влюбленности», [14, с. 402] о чем пишет в статье «Новый Вавилон». В эту дискуссию включается З. Гиппиус статьей «Влюбленность», которая стала откликом на сборник Розанова и на статью Мережковского. Зинаида Николаевна позволила себе высказать опасение, что слова Дмитрия Сергеевича будут неверно истолкованы, потому что вопрос о поле остается одним из проклятых вопросов, а «брак и семья – никогда не был и не мог быть метафизическим решением вопроса» [2, с. 175]. Интересен выбор названия статьи – *влюбленность* – понятие, которое, по мнению мужа, определяет будущую сущность пола. Для Гиппиус оно стало лейтмотивом ее жизнетворчества, так как воплощает самое ценное состояние человеческих чувств, через него познается истина и тайна пола, но познать их полностью невозможно. Для нее правдой человеческой природы выступает цельное существо, следовательно, «решив покорить тело душе – мы оскорбляем душу или, не принимая ее во внимание, – мы оскорбляем тело через душу» [2, с. 176]. Она не связывает проблему пола с противоречием между духом и плотью, в отличие от Мережковского, для которого эта дихотомия стала проекцией дихотомии язычества и христианства, найдя свое выражение в трилогии «Христос и Антихрист».

В первом романе трилогии «Смерть богов», погружившим читателя в атмосферу Римской империи IV века, символом христианства выступает монашеская одежда и поклонение святым костям, которым Мережковский противопоставляет красоту живого человеческого тела, описывая юную последовательницу спартанцев, чье тело пламенной лаской обнимает солнце. Вид обнаженного женского стана не вызывает в Юлиане и его спутнике сладострастия, ни одной грешной мысли, они только любят его красотой и отождествляют девушку с Артемидой-охотницей, видят в ней сохранившуюся прелесть Древней Эллады. Мораль исторического христианства вносит, по Мережковскому, дисгармонию в отношения людей, вносит трагическое начало в любовные чувства, так как стремится исключить из него эротическое наслаждение. Именно разделение на духовное и телесное влечет за собой понятие греховности и подсознательную тягу к греху как к запретному плоду. Так, близость с Арсиноей, ее ласки показали Юлиану обманчивыми и холодными, а влечение к жене было порождено «злым любопытством». В романе никто никого не любит, красота внешняя остается холодной, а внутренний мир героев – полная загадка. В отличие от трилогии, в новеллах Мережковского из итальянской жизни периода Ренессанса нет противопоставления вер, но присутствует критика исторического христианства. Так, новелла «Любовь сильнее смерти» представляет притчу-парадокс нового времени, где запретная любовь художника к девушке оказывается спасительной, в отличие от продиктованной общественными и церковными стереотипами, антуражем святости и добродетели любовь матери, супруга, дяди и священника.

Для Мережковского художественный мир произведения – это инструмент выражения его философских идей. Следовательно, его исторические романы и новеллы невозможно воспринимать как продолжение традиции романтиков, они ближе к религиозно-философской драме Педро Кальдерона, где художественный мир заведомо условен, а герои четко следуют установке автора-философа, для которого главным выступает

воплощение своих взглядов и идей. Как и великий испанский драматург, он проводит своих героев через испытания веры к поклонению Христу. Облекая свои идеи в художественную форму исторического повествования, Мережковский создает виртуозную стилизацию, погружая читателя в культурные эпохи прошлого для ощущения сложности и важности его философских концепций, понимания вневременности проблем бытия. Также и в философско-критической прозе он использует разные приемы наррации для диалога с читателем.

Однако главным почитателем, критиком и интерпретатором его творчества была Зинаида Николаевна. Ее автобиографическая проза открывает для нас интимную сторону их жизни, воссоздает события и объясняет поступки («О Бывшем», «Литературный дневник», «Дмитрий Мережковский» и др.). В дневнике «Contes d'amour» (1893–1904) Гиппиус пытается разобраться в своих чувствах и мыслях, определить в причинах своей *эротической утопии*. Именно с его страниц мы узнаем, как возникает эстетическая концепция *влюбленности*, почему особое место в этой концепции занимает поцелуй – «В поцелуе – оба равны» [12, т. 8, с. 46], и что влияло на осознание гендерной идентичности – «Издаюсь над тобой, власть тела!.. Сама – ей не подчинюсь...» [12, т. 8, с. 32], а также «Мне нравится тут обман возможности: как бы намек на двуполость ... Это мне ужасно близко. То есть то, что кажется» [12, т. 8, с. 48]. Последнее особенно увлекало Гиппиус, она любила наряжаться в мужские костюмы, играть в свою двуполость, но это скорее было продиктовано не стремлением к гомосексуальности буквально, она не принимала физическую сторону и этих отношений: «Нет, извращение, специализация – примитивнее даже брака» [12, т. 8, с. 48], а стремлением к андрогинности, о которой так много тогда говорили в философских кругах, возможности совместить в себе «Любвеобильное, альтруистическое, женское сердце...» [12, т. 8, с. 32] и мужской ум. Примером тому выступает ее самовыражение в нарративе. Если дневники представляют естественно феминное повествование, то в критике она, надевая мужскую маску, старается быть резкой, остроумной и беспощадной, что становится ее авторской стратегией, способом противостояния сексизму в критике, о котором она говорит в статье «Зверобог». Однако в оценке чужого творчества ее мужская маска бывает гораздо беспощаднее многих критиков-мужчин, о чем свидетельствует исследование Марианджелы Паолини [15].

Следует сказать, что на индивидуалистическое творчество Гиппиус 1890-х годов критика отзывалась спокойно, но, когда она коснулась традиционно мужских вопросов духовной и общественной жизни, стала оценивать творчество других писателей, это вызвало неоднозначные суждения в ее адрес, которые касались не только творчества, но и гендера. В статье «Ночью о солнце» Мережковский объясняет природу этого критического дискурса тем, что Гиппиус «выступила из-за щита своей женской слабости», коснулась вопросов, о которых женщины ранее не говорили, «тайны о браке, о поле, о нем, который есть, и о ней, которая не должна, не может, не хочет быть». В этом он видит «не эмпирический, не нравственный, не общественный вопрос о равенстве или неравенстве, о свободе или несвободе женщин, а неизмеримо более глубокий, метафизический вопрос о двух полюсах мира, о бытии и небытии, о мужском и женском в их вечной, нездешней противоположности» [12, т. 4, с. 515].

Выводы. Гиппиус и Мережковский создают оригинальный творческий союз, в рамках которого определяются их индивидуальные концепции философии любви, которые находят выражение в их творчестве. Из дневников, писем и воспоминаний супругов и их современников следует, что инициатива создания философско-религиозного общества, журнала «Новый мир», духовной *требрачности* принадлежала Зинаиде Николаевне, она была достаточно деятельна и весьма убедительна, а Дмитрий Сергеевич теоретически обосновывал и оформлял философские идеи. Оставаясь единомышленниками в основном, они позволяли себе выражать разные точки зрения в частностях, увлекаться друг друга в кипучем дискурсе Серебряного века, что свидетельствует о единстве этого оригинального супружеского союза и внутренней свободе каждого в нем. Обретя известность поэтов, они оставили богатое прозаическое наследие. Мы обратились лишь к отдельным текстам писателей периода становления их философско-религиозных взглядов, более широкое рассмотрение которых станет предметом дальнейшего исследования.

Литература:

1. Романова Е.И. Дискурс любви в русской литературе XVIII–XX: дисс. ... доктора филологических наук: 10.01.02. – Днепропетровск, 2013. – 450 с.
2. Русский Эрос, или Философия любви в России / Сост. и авт. вступ. ст. В.П. Шестаков; коммент. А.Н. Богословского. – М.: Прогресс, 1991. – 448 с.
3. Ерохина Т.И. Жизнетворчество символистов в аспекте самоидентификации. Вестник ВятГУ. – 2009. – № 1. – С. 70-73.
4. Матич О. Эротическая утопия. Новое религиозное сознание и fin de siecle в России = Erotic Utopia: The Decadent Imagination Russia's Fin de Siecle. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 556 с.
5. Лавров А.В. Русские символисты. Этюды и разыскания. – М.: Прогресс-Плеяда, 2007. – 185 с.
6. Шестаков В.П. Эрос и культура: Философия любви и европейское искусство. – М.: Республика, 1999. – 464 с. – Электрон. аналог печ. изд.: URL: http://lit.lib.ru/s/shestakov_w_p/text_0010.shtml (дата обращения: 09.08.2016).
7. Гаспаров М.Л. Поэтика «Серебряного века» / Русская поэзия «Серебряного века». 1890–1917: антология / под ред. М.Л. Гаспарова, И.В. Корецкой. – М.: Наука, 1993. – С. 5–46.
8. Кристева, Ю., Бахтин, слово, диалог и роман. / Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. – М.: Прогресс, 2000. – С. 427–457.
9. Лотман Ю.М. Структура художественного текста / Об искусстве. – СПб.: «Искусство – СПб», 1998. – С. 14–285.
10. Женетт Ж. Фигуры. В 2-х томах. Том 1–2. – М.: Изд.-во им. Сабашниковых, 1998. – 944 с.
11. Эко У. Открытое произведение: Форма и неопределенность в современной поэтике. – СПб.: Академический проект, 2004. – 384 с.
12. Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. В 15 т. – М.: Русская книга, 2003.
13. Розанов В.В. В мире неясного и нерешенного (сборник статей). 1904 [Электронный ресурс] – URL: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_v_mire_neyasnogo_i_nereshennogo.html#003
14. Мережковский Д.С. Новый Вавилон. / Розанов В.В.: pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Т. 1 – СПб. Издательство: РХГА, 1995. – С. 400–407.
15. Паолини М. Мужское «Я» и «женскость» в зеркале критической прозы Зинаиды Гиппиус / Зинаида Гиппиус. Новые материалы. Исследования. – М., ИМЛИ РАН, 2002. – С. 274–289.

Педченко О. В. Філософія любові в прозі Зінаїди Гіппіус і Дмитра Мережковського

Анотація. У статті розглянута оригінальна концепція філософії любові Зінаїди Гіппіус і Дмитра Мережковського, як реалізація «еротичної утопії» російського *fin de siècle*. Визначено основні питання «нової релігійної свідомості», що представлені в автобіографічній, критичній і художній прозі Гіппіус і Мережковського з позиції їхньої гендерної індивідуальності.

Ключові слова: філософія любові, андрогінізм, еротична утопія, гендер, життєтворчість.

Pedchenko O. Philosophy of love in prose of Zinaida Gippius and Dmitry Merezhkovsky

Summary. The article describes the original concept of the philosophy Gippius and Merezhkovsky's of love, as the realization of the «erotic utopia» of the Russian *fin de siècle*. It defines the main issues of the “new religious consciousness” in the autobiographical, critical and artistic prose of Gippius and Merezhkovsky from the standpoint of their gender individuality.

Key words: philosophy of love, androgyny, erotic utopia, gender, life and creativity.